

А. А. ХОТЯИНЦЕВА. ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ

Публикация П. С. Попова

Александра Александровна Хотяинцева (1865—1942) — художница, внучка декабриста Ивана Николаевича Хотяинцева (1785—1863), не сосланного в Сибирь благодаря тому, что близкий друг его Пестель успел перед своим арестом уничтожить компрометирующие Хотяинцева документы. А. А. Хотяинцева сообщила, что у нее хранится альбом ее деда, декабриста, в котором находились стишки, очень понравившиеся Антону Павловичу:

Мило с милым веселиться,
Мило с милой слезы лить,
Мило сердцем с ней делиться,
Мило с милой милым быть.

А. А. Хотяинцева училась в Училище живописи, ваяния и зодчества, где получила медаль. Занималась у Репина в Академии художеств, также в Париже в студии Metson и Collin; по образцу подобных свободных студий учредила в Москве Художественную мастерскую, где преподавали В. А. Серов, К. А. Коровин и Н. П. Ульянов. В 1923 г. совместно с Т. Л. Сухотиной-Толстой организовала подобную же студию, где преподавал К. Ф. Юон. Участвовала в московских и петербургских выставках. В чеховском доме в Ялте имеется ее картина «Вишневый сад» (см. на стр. 659) и акварель-автокарикатура.

Известно 13 писем Чехова к А. А. Хотяинцевой. В архиве Чехова писем Хотяинцевой не сохранилось. Автограф мемуаров находится в собрании П. С. Попова.

А. А. Хотяинцева была не только талантливой художницей, но владела и пером. Ее воспоминания, пересыпанные шутками и юморесками, которыми она обменивалась с Чеховым, живо передают атмосферу непринужденности и жизнерадостности, столь характерную для Чехова.

Конец декабря 1897 года.

Моросит теплый дождь. Море, пальмы, запах желтофиолей...

— Ницца! ¹

Rue Gounod, Pension russe, — веселый голос Антона Павловича:

— Здравствуйте! Хорошо, что вы приехали, за обедом здесь pintade * ² подают! Завтра в Монте-Карло поедем, на рулетку! (Я приехала из Парижа, в письме Антон Павлович обещал приготовить мне комнату) ³.

— Комнаты в большом доме все заняты, вам дают в dépendance — маленьком флигеле, во дворе. Здесь живет человек сорок русских, никто из них никогда не слышал обо мне, никто не знает, кто я! Впрочем, одна дама смутно подозревает, что я пишу в газетах.

Через несколько дней, однако, появились какие-то молодые супруги из Киева, очевидно, знавшие, кто такой Чехов.

Комната их была рядом с комнатой Антона Павловича, и через тонкую стенку было слышно довольно ясно, как они по очереди читали друг другу рассказы Чехова. Это забавляло Антона Павловича. Иногда сразу нельзя было догадаться, какой именно рассказ читается, тогда автор прикладывал ухо к стене и слушал.

* Цесарку (франц.).

ЧЕХОВ

Рисунок А. А. Хотяинцевой

Внизу надпись рукою художницы: «Чехов мечтает об Книшпер» и «Ася после бани в художественном экстазе. 1899 г. 22 января»

Литературный музей, Москва

— А... «Свадьба»... нет, нет... Да, «Свадьба»!

Я нарисовала на это карикатуру и пугала, что он простудит ухо ⁴. Публика в пансионе была в общем малоинтересная. За табльдотом рядом с Чеховым сидела пожилая сердитая дама, вдова известного педагога Константина Дмитриевича Ушинского. Про нее Антон Павлович говорил:

— Заметили вы, как она особенно сердится, когда мне подают блюдо и я накладываю себе на тарелку? Ей всегда кажется, что я беру именно ее кусок.

Напротив сидела старая толстая купчиха из Москвы, прозванная Антоном Павловичем «Трущобой» ⁵. Она была постоянно недовольна всем и всеми, никуда не ходила, только сидела в саду, на солнышке. Ее привезли в Ниццу знакомые и здесь оставили. Ни на одном языке, кроме русского, она не говорила, очень скучала, мечтала о возвращении домой, но одна ехать не решалась.

Чехов пожалел ее и вскоре — надо было видеть ее радость — объявил ей:

— Собирайтесь, едут мои знакомые, они доставят вас до самой Москвы!

В виде благодарности «Трущоба» должна была отвезти кому-то в подарок от Антона Павловича две палки. Вообще всем, возвращавшимся в Россию, давались поручения. Антон Павлович очень любил делать подарки, предметы посылались иногда самые неожиданные, например — штопор...

Рядом с «Трущобой» сидели и, не умолкая, болтали две «баронессы» ⁶, мать и дочь, худые, высокие, с длинными носами, модно, но безвкусно одетые. Клички давать не пришлось, ярлычок был уже приклеен! Но как-то раз дочка явилась с большим черепаховым гребнем, воткнутом в высокую прическу; гребень был похож на рыбий хвост. С тех пор моло-

дая баронесса стала называться «рыба хвостом кверху». В моих карикатурах начался «роман» — Чехов ухаживает за «рыбой». Старая баронесса препятствует — он беден; она заметила, что в рулетку он всегда проигрывает. Чехов в вагоне, возвращается из Монте-Карло с большим мешком золота, с оружием — штопором — в руке, охраняет свое сокровище, а баронессы сидят напротив и умильно на него смотрят. Чехов в красном галстуке — у него было пристрастие к этому цвету — делает предложение. Встреча в Мелихове: родители, сестра, домочадцы и собаки... Чехов тащит на плече пальму.

— Хорошо бы такую в Мелихове посадить! — говорил он, любуясь какой-нибудь особенно высокой <пальмой>.

Свадьба, кортеж знакомых... молодые уезжают на собственной яхте?

Антону Павловичу нравились мои рисунки, он шутил:

— Вы скоро будете большие деньги загребать, как мой брат Николай! Всегда будете на извозчиках ездить!

От других лиц остались в памяти только прозвища: «дама, которая думает, что она еще может нравиться», «дорогая кукла». Прозвища устанавливались твердо. Если я спрашивала: пойдём сегодня к «Кукле»? Антон Павлович непременно поправлял: к «Дорогой кукле». Эта дама была женой какого-то губернатора. Она была больна, лежала в постели всегда в очень нарядных белых кофточках, отделанных кружевами и яркими бантиками, каждый раз другого цвета. Она скучала и очень просила приходить к ней по вечерам. Чехова читала⁸.

По утрам Антон Павлович гулял на Promenade des Anglais и, греясь на солнце, читал французские газеты. В то время они были очень интересны — шло дело Дрейфуса, о котором Чехов не мог говорить без волнения⁹.

ЧЕХОВ

Рисунок А. А. Хотяинцевой

Внизу надпись рукою художницы: «Чехов смотрит на Дроздову. 25 мая 98»
Литературный музей, Москва

Из России получалось «Новое время». Прочитав номер газеты, Антон Павлович никогда не забывал заклеить его новой бандеролью с адресом Menton. Maison Russe¹⁰ и опустить в почтовый ящик. По утру же неизменно перед домом появлялись, по выражению Антона Павловича, «сборщики податей» — певцы, музыканты со скрипкой, мандолиной, гитарой. Антон Павлович любил их слушать и «подать» всегда была приготовлена.

Однажды пришла совсем незнакомая девочка-подросток и так серьезно и энергично потребовала, чтобы Чехов позировал ей для фотографии, что ему пришлось согласиться и быть «жертвой славы»! На другой день был прислан большой букет цветов, вероятно от нее, но фотографии не было.

Писем Антон Павлович получал много, и сам писал их много, но уверял, что не любит писать писем.

— Некогда, видите, какой большой писательский бугор у меня на пальце? Кончаю один рассказ, сейчас же надо писать следующий... Трудно только заглавие придумать, и первые строки тоже трудно, а потом все само пишется... и зачем заглавия? Просто бы № 1, 2 и т. д.

Однажды, взглянув на адрес, написанный мной на конверте, он накинулся на меня:

— Вам не стыдно так неразборчиво писать адрес? Ведь вы затрудняете работу почтальона!

Я устыдилась и запомнила.

Даже в таких мелочах проявлялась та действенная и неустанная любовь к людям, которая так поражает и трогает в Чехове. И как его возмущали обывательская некультурность и отсутствие любознательности!

Рассказывал... Люди обеспеченные, могут жить хорошо. В парадных комнатах все отлично, в детской — грязновато, в кухне — тараканы! А спросите их, есть ли у них в доме Пушкин? Конечно, не окажется.

Между завтраком и обедом публика пансиона ездила в Монте-Карло, разговоры за столом обыкновенно касались этого развлечения. Ездил и Чехов и находил, что там очень много интересного¹¹. Один раз он видел, как проигравшийся англичанин, сидя за игорным столом с очень равнодушным лицом, изорвал в клочки свое портмоне, смял и скрутил металлический ободок, и потом только, очень спокойно, пошел.

По вечерам очень часто приходил приятель Антона Павловича, доктор Вальтер¹², и мы втроем пили чай в комнате Чехова; в пансионе чай вечером не полагался, но мы, по русской привычке, не обходились без него. Вспоминали и говорили о России. Антон Павлович очень любил зиму, снег и скучал о них, «как сибирская лайка».

Впоследствии, когда ему пришлось устраивать свой сад в Ялте, где в садах много вечнозеленых растений, он насадил деревья с опадающей листвой, чтобы «чувствовать весну». Он очень любил цветы. В Мелихове он разводил розы, гордился ими. Гостям-дащикам из соседнего имения (Васькина) он сам нарезал букеты. Но срезал «спелые» цветы, те, которые нужно было срезать по правилам садоводства, и «чеховские» розы иногда начинали осыпаться дорогой, к большому огорчению дачниц, особенно одной, поклонницы Чехова, которую Антон Павлович прозвал «Аделаидой». Звали ее совсем иначе.

— Она похожа на Аделаиду¹³, — говорил он.

Тут же около роз находился огород с любимыми «красненькими» (помидоры) и «синенькими» (баклажаны) и другими овощами.

Раз я рисовала флигелек Антона Павловича с красным флажком на крыше, означавшим, что хозяин — дома и соседи-крестьяне могут приходить за советом. Хозяин, разговаривая со мной, прохаживался по дорожке за моей спиной, и неизменные его спутники таксы: «царский вагон», или Бром, и «рыжая корова», или Хина, сопровождали его. Кончаю рисовать, поднимаюсь, стоять не могу! Моя туфля-лодочка держалась

только на носке, а в пятку Антон Павлович успел всунуть луковицу! Трудно было даже предположить, что Чехов тяжело болен, так он был весел и жизнерадостен.

— И я и Левитан не ценили жизни, пока были совершенно здоровы, теперь только, когда мы оба серьезно заболели, мы поняли ее прелесть!

ЧЕХОВ

Фотография с дарственной надписью: «Алекса́ндре Алекса́ндровиче

Хотяинцевой. Антон Чехов. 97 $\frac{30}{VII}$ »

Дом-музей Чехова, Москва

В то время, когда я была в Мелихове, Антон Павлович собирал для издания все свои рассказы, напечатанные в юмористических журналах. Его брат разбирал эти старые журналы и вслух читал рассказы. Чехов заливался смехом:

— Это мой рассказ? Совсем не помню! А смешно...

В ходу были всякие домашние словечки, забавные прибаутки. Антон Павлович поддразнивал меня и, если я попадалась, — утешал:

БАРОНЕССЫ ДЕРШАУ,
ОБИТАТЕЛЬНИЦЫ
РУССКОГО ПАНСИОНА
В НИЦЦЕ

Карикатура (январель)
А. А. Хотяинцевой, Ницца, 1897 г.
Дом-музей Чехова, Москва

— Говорить глупости — привилегия умных людей!

Себя называл Потемкиным:

— Когда я еду мимо церкви, всегда звонят, так было с Потемкиным.

Я усомнилась. Дня через два, рано утром, мы поехали на станцию. Проезжаем через село, равняемся с церковью — зазвонили колокола.

— Слышите?! Что я вам говорил? — И тут же спросил, — неожиданные вопросы были ему свойственны: — А вы играли в моем «Медведе»? Нет? Очень приятно, а то каждая почти барышня начинает свое знакомство со мной: «А я играла вашего „Медведя“!»

Кроме Мелихова, общие воспоминания у нас были и о Богимове, где Чеховы провели лето и куда я попала через несколько лет после них. В гостиной с колоннами все так же еще стоял большой старинный диван карельской березы; на спинке его было написано братом Антоном Павловича такое стихотворение:

На этом просторном диване,
От тяжких трудов опочив,
Валялся здесь Чехов в нирване,
Десяток листов истручив.
Здесь сил набирался писатель,
Мотивы и темы искал.
О, как же ты счастлив, читатель,
Что этот диван увидал!

В соседнем имении вокруг сада шла, совсем необычно, аллея из елок. Отсюда она попала в «Дом с мезонином»¹⁴.

Так в воспоминаниях о России проходило вечернее чаепитие у Антоны Павловича в Ницце. Он норовил его затянуть, но д-р Вальтер не позволял ему поздно ложиться спать.

Приблизительно около десяти часов где-то по соседству кричал осел, и каждый раз, несмотря на то, что мы знали об этом, так громко и неожиданно, что Антон Павлович начинал смеяться. Ослиный крик стал счи-

таться сигналом к окончанию нашей вечерней беседы. Д-р Вальтер и я желали Антону Павловичу покойной ночи и уходили. Помню одно исключение — встречу Нового 98 года — ровно в полночь.

Весной 98 года Антон Павлович приехал в Париж. Максим Максимович Ковалевский¹⁵ и я встретили его на вокзале. Приехал бодрый и веселый. Нашу небольшую компанию русских художниц раскритиковал:

— Живете как на Ваганькове! Скучно, нельзя же все только работать, надо развлекаться, ходить по театрам. Непременно посмотрите в Folies bergères новую пьесу, очень смешная: «Nouveau jeu», — и несколько позже спросил: «Послушались, посмотрели смешную пьесу?».

Чехов говорил, что «Кармен» самая любимая его опера. Цирк он тоже очень любил. Осенью 98 г. перед отъездом из Москвы он пригласил меня пойти в цирк с ним и Алексеем Сергеевичем Сувориным.

В цирке я скоро устала и захотела уйти одна, но мои спутники решили тоже уйти. Была чудесная звездная ночь, после жары и духоты в цирке дышалось легко. Я выразила свое удовольствие по этому поводу, и Антон Павлович сказал:

— Так легко наверно дышится человеку, который выходит из кон-
систории, где он только что развелся!

П Р И М Е Ч А Н И Я

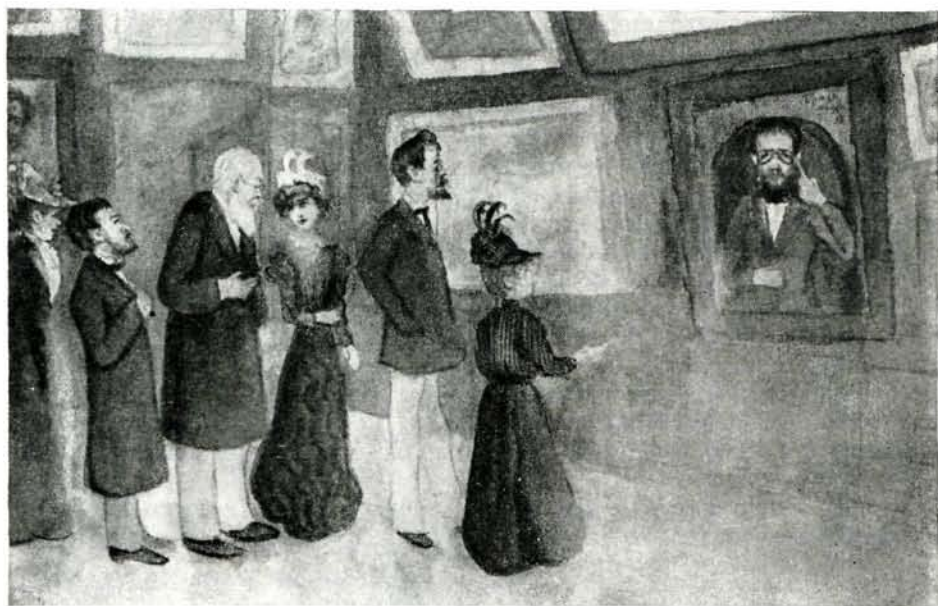
¹ А. А. Хотяинцева приехала в Ниццу из Парижа, где она жила с конца октября 1897 г. О своем приезде она уведомляла М. П. Чехову в письме от 26 декабря 1897 г.: «Спешу сообщить вам приятное: сегодня утром приехала в Ниццу и застала Антона Павловича в хорошем виде и настроении. Мне пришла в голову бриллиантовая идея вместе встретить Новый год, вот я и прикатила. Ницца встретила меня дождем и сыростью, но все-таки пальмы и апельсины взаправду растут на воздухе, а море хорошо даже при таком сыром небе, как сегодня. Мы уже два раза гуляли по набережной. Я приехала раньше, чем написала, так что Антон Павлович только собирался идти меня встречать. В промежутки прогулок завтракали, за табльдотом. Дамы все идолицы, в особенности одна баронесса похожа на рыбу. Я, по-видимому, буду их шокировать».

ЗА ТАБЛЬДОТОМ В РУССКОМ ПАНСИОНЕ В НИЦЦЕ

Карикатура (акварель) А. А. Хотяинцевой. Ницца, 1897 г.

Дом-музей Чехова, Москва

ЧЕХОВ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ ПЕРЕД СВОИМ ПОРТРЕТОМ, НАПИСАННЫМ
И. Э. БРАЗОМ

Шарж (акварель) А. А. Хотяинцевой, 1898 г.

Дом-музей Чехова. Москва

моим поведением и отсутствием туалетов. Здесь ведь считается неприличным пойти в комнату к мужчине, а я все время сидела у Антона Павловича. Комната у него славная, угловая, два больших окна (здесь ведь окна до полу), на кровати и окнах белые занавеси. Он сказал мне, что послал вам цветы, интересно, как они дошли. Передо мной сейчас стоит букет роз, но мы все-таки решили, что меликовские гораздо лучше» (ЛБ).

² В настоящем томе на стр. 219 воспроизведена карикатура Хотяинцевой — Чехов в раздумье над меню в русском пансионе в Ницце.

³ См. письмо Чехова от 19/31 декабря 1897 г. (XVII, 197—198).

⁴ Эта карикатура не сохранилась.

⁵ Мария Антоновна Житкова (см. XVII, 210, 211, 216, 220).

⁶ Мать и дочь *Дершау* (см. XVII, 179, 218, 220, 225, 249).

⁷ Одна из карикатур на «баронесс» сохранилась и воспроизведена на стр. 610.

⁸ Чехов писал Хотяинцевой в феврале 1898 г.: «У дорогой куклы бываю каждый вечер и пью у нее чай со сдобной булкой» (XVII, 225).

⁹ В том же письме Чехов писал о деле Дрейфуса: «Вы спрашиваете меня, все ли я еще думаю, что Золя прав. А я вас спрашиваю: неужели вы обо мне такого дурного мнения, что могли усумниться хоть на минуту, что я не на стороне Золя?» (там же).

¹⁰ В Ментоне в то время жила художница Е. М. Мартынова.

¹¹ 4 января 1898 г. Чехов писал сестре: «Вчера возил я А. А. Хотяинцеву в Монте-Карло и показывал ей рулетку, но она, как вообще женщины, лишена того хорошего любопытства, которое так двигает мужчин, и на нее ничто не производит впечатления. Одета она в то же платье, в каком была в Мелихове. Среди русских, обедающих в Pension russe, она самая интеллигентная, даже сравнивать нельзя» (XVII, 206).

¹² Живший в Ницце врач-бактериолог Владимир Григорьевич Вальтер.

¹³ Одно время у владельца имения «Васькино» Семеновича на даче жила семья директора Московского кадетского корпуса Шатилова. А. А. Хотяинцева и дочь директора другого Московского кадетского корпуса, приехав к Чеховым, привели в Мелихово свою знакомую Шатилову с сыном мальчиком и гувернером Майо. Шатилова оказалась большой поклонницей таланта Чехова. Однажды, забыв ее имя, Антон Павлович назвал ее Аделаидой. Это имя очень к ней подошло, и с той поры это имя за ней так и осталось (указание М. П. Чеховой, сделанное 31 мая 1941 г.).

¹⁴ Даньково, имение Крюковых. См. фотографию «спней от еловых аллей в Данькове» на стр. 11 брошюры С. Самойловича «По Ферзиковскому району». Калуга, 1930.

¹⁵ О М. М. Ковалевском см. выше, стр. 216.